

На свете счастья нет, но есть покой и воля...

Опасная, трудноизлечимая болезнь престолонаследника внесла новую струю в обиход высочайшего двора и особенно юной Екатерины, чьи помыслы уже сосредоточились на приближавшейся свадьбе. Но черная оспа — тяжкая кара Господня — была способна «подправить» все планы и приготовления. В любой день на берега Невы могли прийти из хотиловского захолустья самые печальные вести. И Фике истово молила Бога спасти ее нелюбимого «урода», как выражалась порою в минуты гнева обожаемая монархиня. Если Вседержитель соизволит, конечно, явить горную милость ей, бедной и скромной немецкой девушке, от зари до зари грезящей русской императорской короной...

МНЕ ВСЕ РАВНО, СТРАДАТЬ ИЛИ НАСЛАЖДАТЬСЯ...

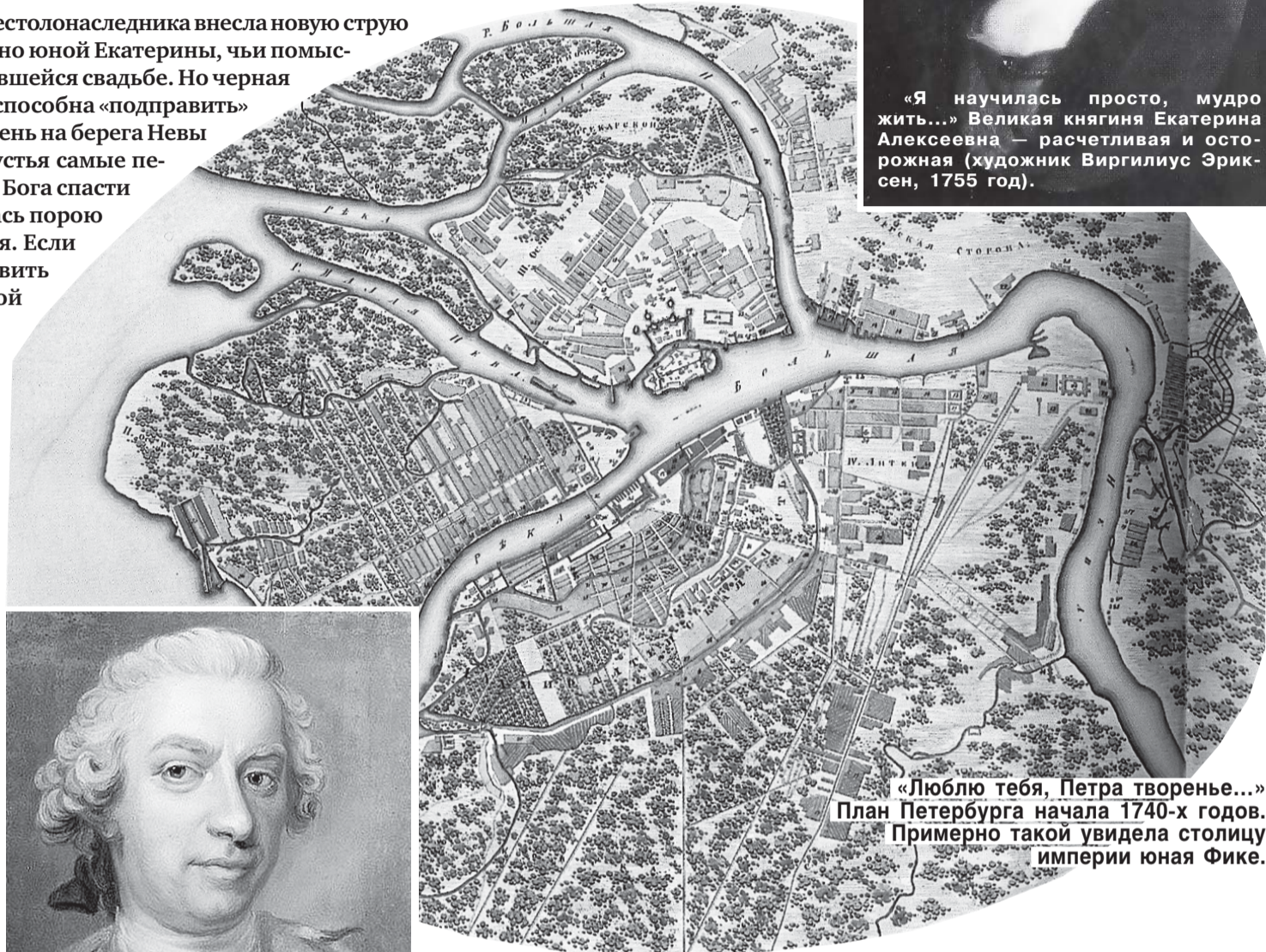
Шесть недель провела Екатерина в Петербурге без приятного общества жениха, Петра Феодоровича, и дисциплинирующего присмотра императрицы Елизаветы Петровны. То была неповторимая, незабываемая пора! Пережив очередной конфликт с матерью (вспыльчивая фрау впадала в ярость по ничтожнейшим поводам), Катя погрузилась в полезные и нравственные занятия. Она углубленно изучала русский язык, играла на клавесине и делала покупки. И поскольку иных развлечений не было, августейшая барышня оказалась сущей затворницей, ведшей удивительно примерную для 15-летней девчонки жизнь...

Между тем столица, невзирая на беды и горести, наполнялась шумным вельможным людом. Царедворцы и иностранные дипломаты, возвращаясь на зимние квартиры, приступали к привычным служебным обязанностям. С этой блестящей светской толпой в Петербург приехал и племянник шведского министра иностранных дел граф Генингс Адольф Гюлленборг. Он, правда, представлялся Елизавете Петровне еще в Москве, уведомив ее о предстоящем браке-сочетании своего наследного принца Адольфа Фридриха (кстати, родного брата Иоганна Элизы и дяди Фике) и принцессы Прусской Луизы Ульрики, сестры короля Фридриха II — того, кто совсем недавно сводил Екатерину с Петром. Естественно, посланник такого уровня не забывал ежедневно (иногда даже утром и вечером) навещать Иоганну и Катю.

Эти визиты несколько встряхнули великую княжну. Ведь елизаветинский двор — как с государыней, так и без нее — буквально утопал в сибаритстве. Дамы пеклись и говорили только о нарядах и драгоценностях. Пышные туалеты и украшения обновлялись как минимум дважды в день. Подобную моду завела Елизавета, никогда не надевавшая одного и того же платья, а менявшая их как перчатки. Писанные красавицы жестко следовали сему неписаному закону, и царские хоромы не знали ничего, кроме шелеста дорогих, сшитых в Париже юбок и упоенной — до ночи! — карточной игры. Фике приходилось, откладывая учебники и ноты, усваивать дворцовые манеры и подлаживаться под общий причудливый настрой. «Я хотела быть русской, чтобы русские меня любили, — признавалась она в зрелые годы. — Мне было 15 лет, наряды не могут не нравиться в таком возрасте».

ПЕРГАМЕНТ ЖЕЛТЫХ КНИГ...

Граф Гюлленборг помнил малышку Софию Фредерику еще по «доисторическому» Гамбургу. Там, вероятно, он замечал в ней больше благоразумия, нежели в Петербурге, и однажды грустно поведал юной собеседнице о своих недоумениях. «Каким образом, — удивлялся аристократ, — ваша душа, когда-то сильная и мощная, подпала рас-

«Люблю тебя, Петра творенье...»
План Петербурга начала 1740-х годов.
Примерно такой увидела столицу империи юная Фике.

«Не ведаю. Но предо мной тогда раскрылись грядущие года...» Граф Генингс Адольф Гюлленборг (1713 — 1775), отменный оратор и добрый наставник будущей русской властительницы (художник Густав Лундберг, XVIII век).

слабляющему влиянию высшего света, где купаются в роскоши и удовольствиях? Ваша голова, моя милая, забита туфлями и нарядами. Держу пари: вы не брали и книгу в руки с того момента, как пересекли в санях русскую границу!» — «Ну, пожалуй, так, — согласилась Фике, — но я и дома, в Померании, признаться, читала лишь то, что требовали родители и гувернантки. Я до одури носилась в городском саду с простыми ребятишками — детьми сапожников и булочников — и была их бессменным коноводом. А наипаче всего любила возиться с оружием и стрелять в воздух. Никто и в мыслях не допускал, что я стану невестой русского престолонаследника». — «Экие у вас скелеты в шкафу! — воскликнул посол. — Вы созданы, сударыня, для громких подвигов, а не заемного ребячества. Я укорял герцогиню Иоганну за явный недостаток внимания к вам. София, сказала я, поистине уникальный ребенок — гораздо старше и рассудительнее своего возраста, и ей нужна постоянная, трепетная забота. Да и сейчас, наедине, готов добавить: 15-летний философ не может знать себя досконально. Вы, дорогая, окружены столькими подводными камнями: о них легко разбиться, причем вдребезги, если душа ваша не закалена на исключительном огне. Ее следует питать лучшим, изысканным чтением». — «Хорошо. Какие книги были бы рекомендованы мне для на-

«Я научилась просто, мудро жить...» Великая княгиня Екатерина Алексеевна — расчетливая и осторожная (художник Виргилиус Эриксен, 1755 год).

чала?» — «Возьмите пока три сочинения — «Жизнь знаменитых мужей» Плутарха, «Биографию Цицерона» и «Причины величия и упадка Римской республики» Монтескье». — «Возьму...»

Наслушавшись о волшебных свойствах своего ума, Екатерина подкинула мудрому гостю любопытную идею: она, Фике, выполнит набросок, посвященный характерным особенностям 15-летнего философа, а дипломат изучит и оценит его. Записка была немедленно составлена и вручена Гюлленборгу. Через несколько дней граф вернул ее автору, сопроводив собственными рассуждениями на целой дюжине страниц. Они укрепляли ясность рассудка и твердость духа молодой девы, входившей в мир большой политики. Катя читала и перечитывала опус своего искреннего доброжелателя, заучивая многие отрывки и стараясь следовать их канонам и советам. Потом она отдала бумаги обратно, а швед, внимательно взглянув на нее, пробормотал: «Как жаль, ваше высочество, что вы выходите замуж!» Все попытки «расшифровать» этот крик души не удалась: посланник молчал и загадочно разводил руками...

Около полутора десятков лет спустя Екатерина случайно обнаружила в ящике письменного стола свою давнюю эпистолярную «секретку». И была поражена глубиной подростковых наблюдений и замечаний. Будучи уже под тридцать, взрослая мадам, великая княгиня, мать трехлетнего отпрыска, признавалась: она не может открыть в себе ничего, что не знала бы в те ранние, смутные, тоскливые дни, когда тяжело болел жених и висела на волоске вождеденная, судьбоносная свадьба.

И ОПЯТЬ Я ЦЕЛУ НОЧКУ НЕ СПАЛА...

Биографию блестящего древнеримского оратора Марка Туллия Цицерона ей принесли в немецком издании. Красавица, зевая, пролистнула пару страниц и отодвинула

фолиант в сторону: скучно! «Причины величия и упадка Римской республики» — плод пера гремевшего на всю Европу французского энциклопедиста-просветителя Шарля-Луи Монтескье — понравились больше: по строкам бежала свежая и яркая мысль. Но Катя еще не умела читать регулярно и методично. Хорошая книга, прошептала она и... бросила ее, чтобы невозбранно вернуться к нарядам и менюэтам. А «Жизнь знаменитых мужей» ученого эллина Плутарха отыскать сразу не удалось. Принцесса осилила увесистый том года через два...

Наступил новый, 1745 год, и в первых числах февраля государыня Елизавета Петровна возвратилась с племянником из Хотилова. Цесаревич выздорovel, и набожная, сентиментальная тетушка повелела заложить в тверской деревне церковь Святого Михаила Архангела — в благодарность Всевышнему за избавление Петра Феодоровича от смертельного недуга, а всей России — от гибельного обрыва династии. Изящный барочный храм закончили и освятили чуть не сорок лет спустя, в 1783-м, при императрице Екатерине Алексеевне.

Встреча нареченных произошла в просторном дворцовом зале. За окнами смеркалось, и в палатах стоял густой предвечерний сумрак. Но и эта милосердная тьма не смягчила изуродованных хворью черт бедняги-престолонаследника — того, кого Катя по воле судьбы считала уже своей половиной. Лицо Петра оставалось по-прежнему огрубевшим и распухшим, и было очевидно, что, несмотря на геройские потуги врачей, на нем сохраняются следы оспенных рытвинок. Волосы пришлось состричь, и их заменил огромный пудренный парик, делавший юношу безобразным и отталкивающим. Цесаревич замер на месте и, посмотрев на суженую, горько усмехнулся: «Что, не узнаете, ваше высочество?..»